

Отзыв
официального оппонента
о диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук
Крючкова Тимофея Олеговича
на тему:
«Имя и энергия в философии А. Ф. Лосева»
по специальности 5.7.2 – история философии

Диссертация Тимофея Олеговича Крючкова посвящена теме, которая не просто сложна. Думаю, её можно назвать неисчерпаемой, причём сразу в двух аспектах:

во-первых, проблема *имени* существует уже почти две с половиной тысячи лет: она чётко сформулирована в диалоге Платона «Кратил» и даже получает некоторый вариант решения в ответах Сократа его молодым собеседникам Кратилу и Гермогену, занимающим, соответственно, крайние позиции лингвистического конвенционализма и натурализма. Если же брать во внимание не дошедшие до нас произведения вроде трактата Протагора «О правильности имён», то история этого вопроса уходит ещё в большую древность. В эпоху поздней античности появляются обширные комментарии на «Кратил», в корпусе Ареопагитик мы встречаем трактат «О Божественных именах», эпоха схоластики остро переживает противостояние реалистов и номиналистов. И если кажется, что современную науку уже мало волнует проблема соотношения имени и вещи, то стоит обратить внимание на проблему реальности математических предметов, которая в последние десятилетия в философии математики всё чаще рефлексировалась в терминах «математического платонизма». Связь же имени и числа, в свою очередь, составляет одну из важных импликаций обсуждаемой работы (стр. 131, 142–144);

во-вторых, понятие *энергии*, возникнув как философский термин у Аристотеля, имеет многовековую историю его переосмыслений в различных философских и богословских традициях. Как верно отмечает диссертант (стр. 25–27), *энергия* занимает важнейшее место и в современной научной

картине мира, оставаясь при этом настолько общим и всеобъемлющим концептом, что даже объяснение самого факта существования *закона сохранения энергии* — проблема и для физики, и для философии.

При этом понятие *имени* принадлежит к числу самых базовых элементов социально-коммуникативной сферы, а *энергия* — онтологии и физики. Соединение их вместе — ещё одна самостоятельная философская проблема.

Не требует пояснений то, что все эти три области на протяжении веков были и остаются по сей день **актуальными** философскими вопросами. Более того, само отсутствие окончательных ответов на эти вопросы остаётся одним из действенных стимулов развития теоретической мысли. С этой точки зрения, любые обоснованные результаты, которые могут быть получены в исследованиях в этой области, представляют существенную **теоретическую ценность** — не только научную, но и общекультурную.

Актуальность обращения к философскому наследию Алексея Фёдоровича Лосева обусловлена тем, что корпус важнейших его сочинений стал доступен лишь в 1990-е годы, а дальнейшее осмысление поставленных им вопросов стало интенсивно развиваться в трудах исследователей, начиная с 2000-х годов. А. Ф. Лосев обладал энциклопедическими познаниями в области античной философии, немецкой классической философии, современных ему достижений математики; глубоко ощущал и философски осмысливал свою принадлежность православной богословской традиции, и при этом выражал свой опыт их синтеза весьма сложным теоретическим языком. Современный исследователь наследия А. Ф. Лосева вынужден хотя бы отчасти быть такого же рода учёным-энциклопедистом, чтобы адекватно воспринять, проанализировать и, по возможности, развивать далее эти построения. В силу сложности этой задачи труды А. Ф. Лосева привлекают внимание многих отечественных учёных, но во многом по-прежнему остаются исследованы недостаточно.

Обращение к философскому наследию А. Ф. Лосева в контексте проблемы соотношения имени и энергии позволило диссертанту задать строгие

границы проводимого исследования — это собственно произведения А. Ф. Лосева, а также необходимый обзор авторов, так или иначе повлиявших на него.

В соответствии с этим делением, **первая глава** диссертации посвящена философским предшественникам А. Ф. Лосева, а **последующие две главы** — собственно лосевским работам, преимущественно довоенного периода, в которых открыто обсуждаются вопросы философии имени, оноματοдоксии и диалектических основ православного богословия.

Наиболее важная часть первой главы — предистория понятия *энергия* в античной мысли и дальнейшая её судьба в православном богословии, прослеженная вплоть до эпохи свт. Григория Паламы и формулировок Константинопольского собора 1351 г. о нетварных энергиях Божиих. Также большую ценность представляет историография отечественной религиозно-философской мысли, предшествующей построениям А. Ф. Лосева, начиная с трудов Григория Сковороды. Диссертант внимательно изучил упоминания А. Ф. Лосевым его философских предшественников, его взгляды и оценки их творчества.

Что касается понятия *энергия* в античных источниках, то его обзор разбит на две части: в виде введения в тему он дан в §2 главы I, а в гораздо более подробном виде — в Приложении II. Вместе они образуют хорошо проработанное обсуждение выбранной темы, написанное на материале современных исследователей. Этот последний момент, на мой взгляд, одновременно и достоинство, и недостаток работы. Безусловное достоинство заключается в обзоре современной историко-философской ретроспективы античных учений об энергии. Но дело в том, что сам А. Ф. Лосев, разумеется, не мог использовать работы конца XX — начала XXI века, но притом им был выполнен самостоятельный анализ концепций *энергии* и *потенции* у Аристотеля и затем у Плотина (этому посвящён отдельный раздел «Примечаний и дополнений» ко 2-й главе «Античного космоса и современной науки» (Аристотель) и интерпретирующий перевод трактата Плотина «О потенции и энергии»

в Приложении I к той же работе). Полагаю, что введение Платином различия терминов «энергия» и «энергийно-данное», равно как «потенция» и «потенциально-данное», было важно и для самого А. Ф. Лосева, помогая ему точнее разрабатывать дальнейшие диалектические категории.

Также важно отметить дистанцию между 1920-30-ми годами и современным состоянием науки в отношении доступности текстов и степенью изученности текстов свт. Григория Паламы и его современников. Для А. Ф. Лосева были недоступны очень многие материалы, которые на сегодняшний день сформировали наше представление о паламизме — это справедливо отмечает автор диссертации (стр. 87). Поэтому учение о нетварных энергиях, хотя и упоминается в работах А. Ф. Лосева и его современников, всё же едва может считаться *основополагающим* источником для интерпретации учения об энергии и энергийности имени. Полагаю, корректнее было бы говорить о своеобразии *рецепции паламизма* А. Ф. Лосевым. И, по существу, именно реконструкцией этой рецепции и занимается диссертант в главе II.

Вторая и третья главы дают последовательную реконструкцию учения А. Ф. Лосева об имени и осмысления имени как энергии сущности. Здесь важно заметить, что построения А. Ф. Лосева претерпели значительное развитие, начиная с его ранних имяславских изысканий 1918 — начала 1920-х гг. и завершая работами, написанными незадолго до ареста. За это время диалектические формулировки приобретают бóльшую точность, но и бóльшую сложность, появляются новые категории, эксплицируются логические связи, которые в ранних работах только интуитивно угадывались.

При этом Т. О. Крючкову удалось — и на мой взгляд, весьма успешно — реконструировать систему диалектических категорий А. Ф. Лосева как целостную, законченную систему, в которой, используя формулы зрелого Лосева, восполняется лаконичность ранних работ, и все приводятся в единую систему. Диахрония философского творчества А. Ф. Лосева в работе диссертанта предстаёт в синхронном виде и излагается уже не с точки зрения её исторического становления, а с позиций её внутренней логики. Полагаю, что

в этом Т. О. Крючков вполне следует методологии самого А. Ф. Лосева, ставя на первое место исключительно смысловое содержание учения, а не внешние не-философские факторы.

Следуя А. Ф. Лосеву как приверженцу диалектического метода (причём диалектика Лосева изучаемого периода — это диалектика, прежде всего, неоплатоническая и затем гегелевская), Т. О. Крючков разбирает ономотологическую проблематику, сохраняя её внутреннюю антиномичность. С одной стороны, имя рассматривается как энергия Бога (стр. 18, 48), и в этом контексте оправдывает формулу «имя Божие есть Сам Бог, но Бог не есть имя» (стр. 24, 61, 68), а с другой — показываются все затруднения, сопровождающие энергийное понимание имени (стр. 51, 231–235). Само понятие энергии разнится в его «динамическом» (как действие сущности вовне) и «статическом» понимании (как осуществлённость потенции), связи энергии с энтелехией (они тождественны на стр. 30–31, они различны на стр. 139), а также с точки зрения соотнесенности энергии с сущностью и личностью (стр. 180–182). В тексте диссертации несколько раз даются формулировки, которые можно рассматривать как (частное) определение понятия «символ» (стр. 54, 119–122, 144–145), — но в итоге они приводят к тому, что всякая чувственная вещь в определённом аспекте своего бытия может рассматриваться как символ. Но если все вещи символичны, то в чём тогда значение термина «символ» в узком смысле? Ведь несмотря на универсальный символизм А. Ф. Лосева, узкий, специфический символизм также им отчётливо прочувствован. Наконец, вероятно, самое сложное понятие *личность* создаёт также несколько разнонаправленных подходов, которые дополняют друг друга (стр. 153–200).

Если традиционная диалектика «гегелевского» типа строится из триад *тезис – антитезис – синтез*, то по ходу анализа построений А. Ф. Лосева диссертанту приходится прибегать к более сложным конструкциям, где одно понятие конструируется не из пары антонимичных тезисов, а из большего их числа, не находящихся в строгом противоречии. Из-за этого изложение имеет «спиральный» характер, и к каждому из ключевых понятий приходится

возвращаться по несколько раз в ходе изложения. Это затрудняет восприятие материала, но зато раскрывает логику конструирования понятий, показывает их внутреннюю связь.

Исходя из сказанного, неудивительно, что центральное понятие диссертационного исследования — *имя* — то оказывается просто энергией сущности (стр. 48), то символом (стр. 121), то «ареной встречи двух энергий» (стр. 94, 97). Всё это — формулировки не только диссертанта, но и самого А. Ф. Лосева, которые, по всей видимости, не исключают друг друга. И, разумеется, они выявляют проблемность самих понятий *имени*, *энергии* и *символа*. Какого-то окончательного строгого определения они так и не получают; не исключено, что в изучаемой системе мышления такое определение невозможно дать вообще.

Ещё одним важным принципом построения глав II и III является «система генад», приведённая в Приложении I диссертации. Речь идёт о хорошо известных *тетрактидах*, *пентаде* и подобных диалектических конструкциях А. Ф. Лосева. Хотя диссертант не проговаривает этого прямо, вполне очевидно, что он разбирает каждую тетрактиду или пентаду, соответственно, на четыре или пять составляющих элементов — вот эти элементы и получили название *генад* в диссертации Т. О. Крючкова. На мой взгляд, этот термин неудачен — прежде всего, потому что сам А. Ф. Лосев не использует его в этом значении.

Не использует же потому, что он понимает генады строго в том неоплатоническом значении, которое присваивают ему, прежде всего, Прокл и Ямвлих, а также Плотин — для А. Ф. Лосева очень важно, что термин *генада* появляется и многократно используется Платином в трактате 6.6 «О числах». Генады тесно связаны с идеально-числовой сферой у Платина, а далее вплоть до Прокла разворачиваются именно на этой основе. Здесь нужно отметить, что «генадология» А. Ф. Лосева более узкая и строгая, чем как она понимается в современных исследованиях по неоплатонизму, и потому я бы с большей осторожностью использовал, напр., работы С. Месяц для прояснения учения

А. Ф. Лосева о генадах — здесь более адекватны собственные размышления философа, которые даны в высшей мере подробно сначала в «Очерках античного символизма и мифологии» (оч. «Учение Платона об идеях в его систематическом развитии», гл. V), а затем в «Диалектике числа у Плотина».

В тексте диссертации, однако, у автора нет нужды обращаться к этой сфере неоплатонической диалектики, и потому узкое понятие генады практически остаётся без применения. Если оставить за скобками терминологическое расхождение с Лосевым и признать, что диалектические триады, тетрактиды, пентада состоят всё же из «генад», то изложение построений Лосева ведётся в двух направлениях: «вертикальном», то есть по пути перехода между основными онтологическими уровнями, соответствующими неоплатонической иерархии *единого, мирового ума и мировой души*, и «горизонтальном», то есть внутренней дифференциации каждого уровня в ходе его понятийно-категориального становления.

Приведённая в Приложении I «система генад» является своеобразной «картой», по которой движется рассуждение диссертанта в главах II и III; читателю удобно по ней ориентироваться, если он теряет нить рассуждения непосредственно в тексте. Само построение диссертации во многом является экспликацией внутренних связей между элементами этой схемы, и в этом отношении напоминает трактаты Прокла, который, как правило, также свои рассуждения строит как экспликацию сетки главных онтологических категорий, которая неизменна от трактата к трактату. Да и в отдельных суждениях автор диссертации иногда произносит отчётливо платонические формулировки (напр., на стр. 5 о «двух реальностях», на стр. 136 об адекватности идеи, вещи и познания вещи).

Понятие энергии, будучи описано в историко-философском ключе в главе I, затем, в главах II и III неоднократно уточняется. Некоторые из этих уточнений ставят серьёзные вопросы в перспективе не только метафизики А. Ф. Лосева, но всей традиции античного неоплатонизма. Так, диссертант предлагает рассматривать известную триаду Прокла «*μὴν* (покой) — *πρό-*

одоs (исхождение) — ἐπιστροφῇ (возвращение)» таким образом. что второй её член, а, возможно, и третий могут мыслиться как энергийные проявления той сущности, что изначально дана в состоянии покоя. В работах Прокла или Дамаския мы не находим таких формулировок, но, с другой стороны, не встречаем и положений, которые запрещали бы так утверждать. Полагаю, что это ценная находка диссертанта, которая требует дальнейшего исследования. Это важно в перспективе транзита неоплатонической метафизики от Прокла к псевдо-Дионисию, для которого, как справедливо отмечает диссертант, имена Бога даются в соответствии с Его *исхождениями* в тварный мир. Это ставит вопрос о том, значит ли, что имена Божии суть имена Его энергий? Хотя Т. О. Крючков явно склоняется к положительному ответу на этот вопрос (стр. 39), на мой взгляд, этот ответ далеко не столь очевиден без дополнительного исследования.

Отдельно стоит упомянуть опыт выведения А. Ф. Лосевым логической необходимости понятия *триипостасности* из чисто диалектических предпосылок (стр. 159, 164, 180–182). Т. О. Крючков справедливо отмечает целый ряд затруднений, вытекающих отсюда — как общефилософского характера, так и с точки зрения согласования с православной догматикой. Развивая логику А. Ф. Лосева, возникает опасность потери личностного характера бытия первой и третьей Ипостасей в Боге. Здесь я бы напомнил, как критически смотрел на эти опыты сам Алексей Фёдорович, спустя десятилетия, в беседе с В. В. Бибихиным:

...Это всё в моей ранней работе об имени. Легко ли её поправить? Я сейчас пишу и более понятно, и логично, и вразумительно. Писал это мальчишка, едва кончивший университет. Мне не очень нравится сейчас там у меня схематизм, триады. Я Гегелем был начинён. Триады, конечно, так или иначе должны остаться. Но в том виде, как они были там даны, они звучат схематично. <...> Высший синтез у Гегеля есть богочеловечество. Под всяким таинством лежит богочеловечество. Хотя Гегель доходит

до сатанизма мысли — логическим путём выводит Христа. — но его категории очень чёткие.¹

И вот здесь мы приходим к ряду затруднений, которые не сформулированы А. Ф. Лосевым, но совершенно необходимы для дальнейшего понимания перспектив его диалектики. Если мы рассуждаем об энергичности имени, то имеет значение, какова природа сущности, которой эта энергия принадлежит. Выходит, если сущностно Бог принципиально отличается от остального мира по линии дихотомии *тварное–нетварное*, то означает ли это, что имена нетварного Бога и тварных сущностей одинаковы для нашего хода мысли, или между ними лежит некая граница?

В тексте диссертации я не увидел того, чтобы подобная граница была проведена. Но значит ли это, что она не существует действительно, или же просто автор не поставил для себя этого вопроса?

Но ведь можно пойти и далее: и тварные, и нетварные имена тоже разнятся внутри каждого рода. Имена Бога можно различить, например (как справедливо это отмечает и диссертант), в контексте «Кратила»: имена, полученные от Бога (из Откровения в христианском понимании) и данные людьми (по божественным *исхождениям*, как говорит Ареопагит). Откровенные имена тоже разнятся: есть те, что даны по сущности Бога (напр., *Сущий* в Исх. 3:14), и те, что по Ипостасям (Отец, Сын, Святой Дух). Данные людьми имена можно тоже делить на апофатические и катафатические, а среди катафатических, наверняка, найдутся и те, что даны *не по исхождениям* Бога в тварный мир. Да и имена тварных вещей можно классифицировать разными способами, хотя бы, например, как собственные и нарицательные.

И вот, если вернуться к аристотелевским понятиям первой и второй сущности, совсем несложно провести параллель между ними и,

¹ В. В. Бибихин. Алексей Федорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. С. 209, 215.

соответственно, собственными и нарицательными именами. Возможно, что и диалектика А. Ф. Лосева, если её развить далее, даст возможность детализировать её выводы в отношении имён разных типов. Либо же, наоборот, сказать, что лосевская философия имени относится строго к одному классу имён, или, может быть, даже вообще к одному определённому имени?

Разумеется, все эти вопросы — не столько критические замечания к диссертации Т. О. Крючкова, сколько идеи для дальнейшего развития этого очень плодотворного исследования. Ценность этой работы, на мой взгляд, не только в итоговых выводах, но и в тех вопросах, которые они провоцируют у читателя, ставят проблемы для дальнейшего философского поиска. В этом смысле представленная диссертация является трудом не только *историко-философским*, но и *философским* в собственном смысле слова.

С учётом сказанного не считаю нужным долго перечислять небольшие недостатки работы, имеющие по преимуществу технический характер, такие как опечатки в словах, не обнаруживаемые текстовыми редакторами, или искажения традиционных именований святых по местам их епископского служения (стр. 36, 126, 239). Нередко сложные сами по себе теоретические выкладки диссертанта усложняются ещё сильнее замысловатым синтаксисом предложений.

Однако все высказанные замечания не умаляют значимости представленного диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М. В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует специальности 5.7.2 – история философии, а также критериям, определённым пп. 2.1–2.5 Положения о присуждении учёных степеней в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова, а также оформлена согласно требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель КРЮЧКОВ Т. О. заслуживает присуждения учёной степени кандидата философских наук по специальности 5.7.2 – история философии.

Официальный оппонент:
кандидат философских наук,
доцент Института теологии
Санкт-Петербургского государственного университета

КУРДЫБАЙЛО Дмитрий Сергеевич

Контактные данные:
email: [REDACTED]
телефон: [REDACTED]
Специальность, по которой официальным
оппонентом защищена диссертация:
09.00.03 — история философии

Адрес места работы:
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»
Адрес: Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9.
Телефон: +7 (812) 328–20–00, e-mail: spbu@spbu.ru, сайт: <https://spbu.ru/>